

18+

А. Золотов

Трон всея Руси

История России

Иван Грозный

Царь Федор Иоаннович

Царица Ирина

царь Борис Годунов

Царь Федор Борисович Годунов

Лжедмитрий 1

Царь Василий Шуйской

Семибоярщина

Александр Золотов

Трон всея Руси. История России

«Издательские решения»

Золотов А.

Трон всея Руси. История России / А. Золотов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-561715-6

Книга об истории государства Российского. События изложены предельно доступно, в полном соответствии с историческими событиями. В книге новая версия жизни и гибели царевича Дмитрия.

ISBN 978-5-00-561715-6

© Золотов А.
© Издательские решения

Содержание

Трон всея Руси	6
Часть первая	6
Царь Иоанн Васильевич Грозный	7
Часть вторая	22
Царь Фёдор Иоаннович	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Трон всея Руси История России

Александр Золотов

© Александр Золотов, 2022

ISBN 978-5-0056-1715-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Трон всея Руси

*Дмитрий уничтожил Годуновых и
исчез, как призрак, оставив за собой
страшную пропасть, чуть было не
поглотившую Московское государство.
Н И Костомаров*

Часть первая

Царь Иоанн Васильевич Грозный

К вечеру небо поблекло, лучи солнечного света будто споткнулись о ещё редкие и полупрозрачные облака, скромно притухли. Наконец, шар солнца коснулся верхушек елей, и казалось, что он испепелит их, но пылающее ярило, мирно спряталось за деревья леса. Облака темнели, набирали силу, образуя огромную, на всё небо тучу, которая сначала бросила на землю тьму, затем пошёл снег. Он заполнял всё пространство, кружился, падал, накапливался на крышах строений и самой земле, белизна его, постепенно раздвигая мглу ночи. Среди царящего снега, стали вырисовываться из тьмы постройки города, но это длилось недолго, белое марево поглотило и сам город. Всё стало синевато-белым, на фоне тёмного горизонта рисовался белоснежным облаком лес, да частокол городской стены чернел полосой. Москва погружалась в сон. К полуночи снег прекратился тучи ушли, уступив небо звездам, которые почему-то стали светить ярче, и даже Млечный путь казался ближе, явственнее.

Иногда слышались крики стражников, которые переключаясь, подбадривая друг друга.

Там, где звёздное небо соединялось с синевато-белым покрывалом снега, обозначилось зарево, из которого вырвалось небесное светило. Светящееся тело быстро росло в размерах и превращалось в летящий огненный крест. (Примечание автора: в 1584 году над Москвой пролетала комета)

Москва пробуждалась в тревожном смятении. Люди всматривались в чёрное, ночное небо, тревога, вкраиваясь в души, быстро перерастала в страх. Многие, в ожидании смерти, пали на колени творили молитвы, обращаясь к Богу, о прощении грехов, другие пророчили конец света....

Богдана Бельского и Бориса Годунова подняли с постели слуги, и когда им открылось чудо небесное, они, не сговариваясь, бросились к царю. У входа царской опочивальни их встретил постельничий.

– К царю нельзя, спит.

– Ты видел, что в небе крест, огненный, летящий?

– Нет, я не могу отлучиться от опочивальни, я не увижу, что там по небу летает, зато голова останется на плечах.

– Надо известить царя, – Бельский сделал движение к двери, но постельничий остановил его.

– Нельзя!

– Государь нас казнит скорее за то, что мы его не известили, что в небе летящий крест.

Постельничий некоторое время взвешивал всё за и против и согласился с боярином.

– Я постучу, только вы не уходите.

– Стучи! – приказал Годунов.

Постельничий несмело постучал и против ожидания царь быстро отозвался.

– Войди, что стряслось?

– В небе летает огненный крест....

– Что...?

– Огненный крест в небе.

– Какой ещё крест?

– Пришли Годунов и Бельский, хотят, чтобы ты, батюшка взглянул на него.

– Пусть войдут.

После недолгого рассказа, царь набросил на себя шубу и пошёл к выходу.

Увидев крест, он попятился, неистово стал креститься, пал на колени.

– Вот и смерть моя пожаловала. Господи, ты прислал крест за мной. Я понял тебя, моё царство и жизнь скоро пресекаться. Грозный еще долго творил молитвы, а Годунов и Бельский опасаясь последствий, не мешали ему, терпелив ожидая, чем это действие закончиться.

Наконец, Грозный (Примечание автора: титул «Грозный» Иоанн – 4 получил по наследству от деда Ивана -3-его. Этот статус за ним закрепил народ Руси) приказал себя поднять и отвести в опочивальню. В безмолвной тишине, царя усадили на перины. Иван Васильевич, уронив голову на грудь, молчал. Прошло изрядное количество времени, пока он сполз с постели и на коленях приблизился к образам.

Годунов и Бельский томились в ожидании, иногда осеняя себя крестным знаменем. Закончив молиться, царь повернулся к боярам, его крючковатый нос стал еще больше выделяться, глаза впали, голос звучал тихо, но твердо:

– Богдан, собери всех колдунов – волхвов и, чтобы не сговаривались, посели их в разных комнатах. Пусть каждый из них посмотрит на расположение звезд, пусть колдуют, но определят, день кончины моей.

– Государь, зачем тебе это?

– Господь подал мне знак, я увидел его, потому должен знать, сколько мне осталось жить, надо многое обдумать, и решить на кого оставить царство.

– У тебя есть наследники.

– Фёдор слаб на голову, Дмитрий еще мал. Кто станет опекать нового царя?

Грозный повел орлиным носом, будто принюхиваясь к стоящим с ним боярам, глаза страшным взором сверлили их. В колеблющемся сете свечей, он был похож на огромного ворона, готового броситься и разорвать свою жертву.

Бельский и Годунов не ожидали такого стремительного изменения состояния царя, попятись.

Не отвращая страшного взгляда, Грозный продолжил:

– Надо крепко думать, чтобы не ошибиться. А ты, Богдан, каждое утро будешь мне рассказывать о колдовстве. Колдунам скажи, что за обман, кожу сдери или поджарю на костре. Идите.

Каждое утро Бельский выслушивал волхвов, но ничего определённого они не сообщали. После опроса колдунов, он приходил к царю разводил руками, и сопровождал свой жест одними и теми же словами:

– Государь, у них нет ещё ответа.

Напряжённое лицо царя разглаживалось, он заметно веселел и почти каждый такой разговор заканчивался партией шахмат. Бельский играл хорошо, но в последний момент находил решение, которое приводил его к поражению. Проигрыш бы задачей непростой, ибо надо было проиграть так, чтобы Иван Васильевич не заметил намеренной сдачи. Победа приводила царя в блаженное состояние, он подтрунивал над боярином:

– Думал, что сегодня проиграю, но выкрутился. А вообще ты ещё слаб против меня...

Настал тот день, когда волхвы определили день смерти царя всея Руси Иоанна Грозного. Они, не сговариваясь, назвали роковую дату 18 (28) марта 1584 года.

Бельский приказал найти Годунова и передать ему о необходимости встречи. Годунов вошёл стремительно с вопросом:

– Волхвы определили день смерти?

– Да, это случилось, – Бельский помолчал, затем как-то потеряно спросил, – как сказать это Ивану Васильевичу?

– Опасаешься его, что может казнить...?

Бельский беспокойно ходил по комнате, обречённо повторяя одни и те же слова:

– Никто не знает, как он поступит, кто может стать жертвой его нрава.

- Можно скрыть, – предложил Годунов.
- Это ещё хуже.
- Почему?
- Царь не терпит обмана, может заподозрить измену, тогда точно не сносить головы. Годунов в раздумье тоже прошёлся по комнате, наконец, предложил:
- Сообщи ему тогда, когда у него будет хорошее настроение, после шахмат.
- Он требует доклад сразу по моему приходу.
- А вот здесь надо обмануть его, сказать, что колдуны ничего не решили, а после партии сообщить.

После слов Годунова Бельский задумался, затем его лицо просветлело, заметив это, Годунов спросил:

– Придумал?

– Да. Сейчас пойду к царю и скажу ему, что сегодня волхвы из-за сложного расположения звёзд ещё не определились, решение скажут к полудню. После партии шахмат я приду к тебе, и мы вместе сообщим ему эту страшную весть. Согласен?

Годунов не ждал от Бельского такого решения, и несколько опешил, но отказ отодвигал его от цели, от власти. Он решил рискнуть.

– Согласен, иди, играй, я жду тебя здесь.

Грозный настороженно встретил любимого боярина. В его поведении что-то изменилось. Видимо предчувствие уже посетило его душу, сообщило о надвигающейся опасности. Бельский заколебался, но собрав всю волю сказал:

– Иван Васильевич, звёзды еще не вошли в то место, где можно определить их положение, волхвы задержали ответ до полудня.

Бельский видел, как напрягся царь, скулы его лица выделились, нос заострился, глаза стали робко ожидающими.

– Ты говоришь мне кривду, всё уже решено, но ты не решаешься мне открыть страшную правду.

Царь отвернулся от боярина, тело его обмякло, сгорбилось. Богдан Бельский молчал и этим молчанием подтверждал догадку этого, уже по существу жалкого человека.

– Когда Господь призовет меня к себе, на суд Его?

– В марте восемнадцатого дня, тихо, почти шёпотом проговорил Бельский.

– Крест огненный, крест небесный – это знаменье смерти моей, знаменье подтвердится.

Вдруг царь мгновенно изменился, расправил плечи и захохотал. Бельский с ужасом смотрел на Ивана Грозного, всем телом ощущая нависшую над ним опасность.

– Закрывать, колдунов, никуда не отпускать. Господь услышит мои молитвы и отвергнет колдовство. Он уже не раз спасал меня от смерти. Буду я избавлен от неё и на этот раз, а колдунов зажарю на костре.

– Всё выполню, Государь, всё выполню.

– Иди, пусть это будет тайной для всех.

– Об этом уже знает Годунов.

Иван Васильевич кивнул и повторил:

– Иди.

Царь вся Руси Иван Грозный пробудился ото сна, в опочивальне было тихо и только образа смотрели ему в глаза. Сегодня болезни отступили, он усмехнулся, радуясь своему отличному самочувствию, но тревожная мысль змеёй вползла в его мозг.

– Колдуны предсказали мне сегодняшнюю смерть, – по его лицу пробежала тень, его глаза сузились, и он яростно прошептал, – уже не раз Господь спасал меня от колдовства, прогонял их чёрные чары смерти.

Возникшая в его душе ярость, приказывала ему сотворить немедленную расправу над волхвами. Он приподнялся в постели, чтобы кликнуть постельничего, но встретил взгляд глаза Пресвятой Богородицы, которые его остановили, позвали к себе. Царь сполз с постели и на коленях приблизился к иконе. Молитва о прощении многочисленных грехов и спасении души, горячим шёпотом срывалась с его губ. Ему казалось, что Пресвятая Богоматерь прощает его и даже подбадривает взглядом. К Ивану Грозному опять возвращалось самообладание, он позвал слуг и приказал готовить утреннюю трапезу.

Трапеза ещё больше укрепила царя, к нему пришла уверенность в том, что в очередной раз волхвы кличут на него смерть и что Господь не станет призывать его сегодня к себе, спасёт, а на колдунов наслёт кару небесную. Грозный даже замурлыкал песню и одновременно придумывал для них казнь.

В комнату вошёл его личный врач, взглянул на его язык и глаза царя, Грозный с нетерпением ждал, что скажет он о его болезни.

– Всё хорошо, царь-батюшка, пришло время принять ванну.

Грозный коротко взглянул в глаза целителю, будто проверял правдивость его слов.

– Всё хорошо, думаю, что скоро ты будешь здоров.

– Колдуны сказали, что сегодня я умру, день наступил, а я жив, Господь отвратил их черные чары. Сегодня же я зажарю их на костре.

Царь быстро, даже проворно встал со скамьи, спросил:

– Всё готово для омовения?

– Всё готово, Государь, – постельничий поклонился, царю и в поклоне ожидал, когда Грозный пойдет в ванну, чтобы последовать за ним.

Царя сегодня не несли, он сам вышел из бани бодрый и весёлый, довольно уверенным шагом шёл к комнате, в которой он играл шахматы.

В комнате, он сел на свою постель, позвал Родиона Биркина, своего любимца, и приказал принести шахматы. Радион появился в дверях, отвесил поясной поклон.

– Что желает Государь?

– Принеси шахматы и позови Бельского.

Бояре: Борис Годунов и Богдан Бельский ждали у дверей, когда из комнаты царя выйдет врач. Их разговор был о царе и его болезни.

– Как чувствует себя Государь? – Вопросом остановил Бельский Биркина.

– Ещё нас с вами переживет. Иди, зовёт играть в шахматы, ответил он и заторопился по своим делам.

– Там же ещё врач..., – сказал Бельский уходящему Биркину.

– Он быстро осмотрит царя после ванны и выйдет.

– Может обман в его словах, скрывает, что плох наш Государь – Борис Годунов прищурил глаза, смотрел на Богдана, – как ты думаешь, чем всё кончиться?

Бельский помолчал, как бы оценивая откровенность своего ответа, затем уклончиво сказал.

– Колдуны и знахарки в один голос предрекли смерть царю сегодня.

– Что-то не верится, что сие наступит. Постельничий сказал, что царь спал хорошо, сегодня Иван бодр, даже весел, песню поёт.

– Так уже было однажды, хворь свалила Государя, смерть стояла у его изголовья. Бояре стали делить власть, а он вырвался из цепких лап её и сурово покарал изменников и тем пока-

зал, что только Господь решает, кого и когда призвать к себе, – Бельский говорил уверенно, но чувствовалось, что у него есть и иные мысли....

В его глазах читалось желание ещё о чём-то сказать, но он не решался. Опытный и дальновидный Годунов угадал его затаённые мысли и осторожно намекнул:

– Говоришь, что однажды царь уже выздоравливал и...,

Бельский перебил его:

– Пока он болеет, неизвестно какие мысли придут в его голову, что последует за ними, и останутся ли наши головы на плечах?

Годунов понял направление мыслей своего свояка, но предпочёл оставить инициативу разговора у Бельского.

– Колдуны предсказали Государю смерть, сегодня, но неизвестно как решит Господь, – Бельский растеряно смотрел по сторонам, будто искал ответа.

– В народе говорят: «На Бога надейся, но сам не плошай!» – хитро ввернул Годунов.

Разговор приблизился к роковой черте. Годунов подтолкнул собеседника перешагнуть через неё.

– Что предлагаешь, Богдан?

Бельский ответить не успел, от Грозного вышел врач. Годунов остановил его вопросом:

– Как чувствует себя государь?

– Сегодня ему много лучше, думаю, даст Бог исцеление....

Годунов и Бельский переглянулись, а врач продолжил:

– Он сказал, что казнит колдунов, поджарит их на костре.

– Мы рады за Государя, если он выздоровеет, получишь награду, иди, – отпустил врача Годунов.

Продолжить разговор Бельскому и Годунову не пришлось, к ним подбежал постельничий.

– Боярин, государь кличет.

Бельского Грозный встретил в приподнятом настроении.

– Заходи, Богдан, присаживайся.

Бельский сдержано поклонился.

– Вижу, что болезнь отступает, даст Бог, станешь здоровым.

– Хвала Господу Богу, это он отвратил чары колдунов, позволил врачу исцелить меня.

Нужен я Всевышнему на этом свете, есть ещё дела, не завершённые мною.

– Я очень рад за тебя, Иван Васильевич.

Бельский вспомнил разговор с Годуновым и постарался придать голосу радостное звучание, но видимо царь уловил в нём фальшивые нотки. Он взглянул Бельскому в глаза.

– Рад говоришь? – голос Ивана Грозного наполнялся недоверием, – а не задумал ли ты измену?

Бельский съёжился, он почувствовал, как к горлу подкатил комок, он мигом представил, как его, а не колдунов, поджаривают на костре. Пауза затягивалась, она грозила неминуемой смертью. Богдан понимал, что если он не прервёт её, царь кликнет стражу.... Мысли раскатились горохом и стучали по закоулкам головы, Бельский не находил ответа, его уже подмывал страх, в коленях появилась слабость....

Царь продолжал грозно смотреть на своего подданного.

– Почему помалкиваешь? – в глазах Грозного появилась насмешка, ему нравилось бросать своих слуг в яму безысходности и страха, он любил смотреть, как воля покидает человека.

На спасение у Бельского оставались мгновения, чтобы найти выход. Выход был в предательстве. Он уже открыл рот, чтобы поведать своему господину о недавнем разговоре с Годуновым и направить его гнев на Бориса, но у Грозного вдруг изменилось настроение, он примирительно спросил:

– Испугался?

– Конечно испугался, я всегда не жалел живота своего на службе тебе и готов идти на плаху, если ты этого пожелаешь, но умирать все же не хочется.

– Верю тебе, мой верный Богдан, верю. Сейчас тебе появиться возможность доказать верность мне.

Бельский хорошо помнил, как Иван Грозный принудил ближнего боярина и князя Никиту Прозоровского прилюдно убить единокровного брата своего Василия Петровича. Царь не посчитался ни с заслугами князя, ни родством между ними. Богдан с трудом оторвался от дум своих, с готовностью спросил:

– Чем могу служить государю своему и отчизне?

– Прикажи приготовить костры, замыслил я казнить колдунов, жарю их заживо.

– Я готов, Государь! – Бельский предал своему голосу рвение, которое подтверждало готовность выполнить любой приказ.

– Иди, исполняй.

Бельский пошёл к выходу, а Грозный смотрел ему вслед и думал:

– Измену задумал, пёс, придётся тебе, Богдан, жариться на веретене рядом с колдунами.

Подозрение в измене Бельского испортило настроение. Царь приказал принести ему вина. Вино облегчило на время душу, но воскресило воспоминания о многих казнях. Он взглянул на шахматную доску, но вместо фигур увидел отсечённые головы бояр, которые вопили о своей невиновности.

– Чур! Чур, нечистая! Иван осенил себя крестом, но видение не исчезло, тогда он ударил столик с шахматами ногой, он с грохотом опрокинулся, вопящие головы покатались по полу. Тогда Грозный трижды осенил себя крестом, головы исчезли, а он облегченно вздохнул. Тяжело дыша, он прилёг на подушки, но едва его голова коснулась постели, как он услышал шорох в углу комнаты и увидел там братьев Прозоровских. Младший брат Никита, кричал, корил его, называл его убийцей.

– Ты и брат твой Василий договорились известить меня и посадить на трон брата моего Владимира Старицкого. Тому доказательство перехваченные письма, которые вы писали князю Старицкому – царь погрозил ему перстом, но Прозоровский не унимался:

– Это твой пёс Малюта всё подстроил, на нас нет вины....

Братья Прозоровские начали двигаться к нему, за ними стала появляться толпа убиенных бояр и священнослужителей.

Иван, в поиске убежища, отвернулся, но на пути его стоял князь, брат его Старицкий, он взмахом руки звал его к себе, беззвучно что-то говорил, но по его губам Грозный понял, что он должен покинуть прежнюю жизнь, царство и переселиться в мир иной.

Затравленный взгляд царя нашёл иконы, он бросился на пол и подполз к ним. Слова молитвы погасили крики и вопли убиенных....

Богдан Бельский спешил к колдунам, но его остановил, поджидавший Годунов.

– Как царь?

Бельский не ответил, его гнал прочь взгляд царя. Тогда боярин остановил его, взяв за плечо.

– Остановись, Богдан, остановись.

Бельский остановился, потупив глаза.

– Поведай мне, что приключилось?

– Царь заподозрил во мне изменника....

– Не понял....

– Царю не понравилось, что-то в моём поведении, и он обвинил меня в измене, но потом сменил гнев на милость, послал к колдунам.

– Пошутил или испытывает.

– Нет, когда выходил, то у двери оглянулся, и увидел его взгляд. Я хорошо знаю этот взгляд, никто его не перенёс. . . .

Помолчали, первый опомнился Годунов.

– Как он себя чувствует?

– Меня точно переживёт, идём к колдунам, послушаем, что скажут.

Бельский пошел к комнате, где под присмотром стражи находились волхвы – колдуны.

В просторном помещении ютились около шестидесяти волхвов. Многие из них, независимо друг от друга предсказали кончину царя всея Руси Ивана Грозного. Бельскому и Годунову стражники со скрипом отворили двери. Спёртый воздух «сдобренный» запахом немых тел и испражнений пахнул в лица бояр.

Увидев важных особ, колдуны нехотя стали подниматься.

– Вставайте, лежебоки, – стражник подгонял волхвов, потрясая копьём.

Наконец все встали и поклонились боярам. Бельский сделал шаг вперёд и заговорил:

– Царь всея Руси Иван Васильевич Грозный повелевает вас казнить.

Возгласы отчаяния вырвались из обречённых душ.

– За что? За что? За что. . . ? Вины за нами нет.

– Вы предсказали, что царь должен сегодня закончить свой земной путь, но он жив в полном здравии и прекрасно себя чувствует. Вы напустили на него чёрные чары, которые должны его убить, но Господь отверг ваши старания и даровал Ивану Васильевичу жизнь и исцеление. За обман и колдовство вы будете казнены. Уже подожжены костры, на которых, по велению царя вы будете заживо изжарены.

При последних словах Бельского многие головы поникли, но один колдун подошёл к боярам.

– Позволь, боярин, слово молвить.

Годунов и Бельский с опаской глянули на огромного роста волхва. Дитина с нечесаными, длинными волосами, больше внушал боярам опасение, чем доверие, но пронзительные глаза его приковывали к себе, подчиняли.

– Молви правду, иначе тебя убьют немедля, – Годунов сделал шаг вперёд, но волхв свой взгляд не погасил.

– Царь винит нас в обмане, но его смерть предсказали не мы, а звёзды. Ни вы, ни мы и даже казнь ничего изменить не может. Царь сегодня покинет этот мир.

– Солнце скоро скроется, а царь жив, – жёстко сказал Годунов.

– День заканчивается тогда, когда лучи солнца перестанут освещать землю и на неё падёт тьма, – упрямо твердил волхв.

Упрямство колдуна посеяло некоторое замешательств в боярских душах и заставило их задуматься. Чем не преминул воспользоваться колдун.

– Боярин, – волхв смотрел на Годунова, – позволь тебе предсказать твою судьбу.

Годунов предвидел скорую смерть царя, которая рождала мечты, его манила, непреодолимо манила власть. Предсказание, которое предложил волхв, могло помочь ему преодолеть неминуемые козни бояр и завистников, победить открытых и скрытых врагов.

– Говори, колдун.

– Я вижу над твоей головой царскую корону, но она не твоя. . . .

– Мне не нужна чужая корона.

Резкий тон не смутил и не испугал провидца.

– Не изволь гневаться, боярин, эта корона будет ничьей и всё ныне зависит от тебя, станет ли она твоей.

Подошедшие к ним колдуны дружно закивали головами.

– Этими словами и единодушным предсказанием они подталкивают нас на цареубийство, – мелькнула мысль в голове Годунова, – тем спасают себя. Смерть царя избавит их от казни

Высказанное предсказание привело Бельского в замешательство, струна зависти в его душе дала о себе знать, но страх о своей жизни быстро заглушил её.

– Борис, а если и в правду..., – Бельский замолчал, боясь закончить мысль.

Годунов тронул за локоть Бельского и взглядом попросил его выйти, а когда он отвёл его в сторону и убедился, что их никто не услышит, спросил:

– Богдан, ты, что согласен жариться на веретене?

Бельский испуганно вскинул взгляд на Годунова.

– Может мне показалось?

– А если нет?

Бельский молчал, Годунов в упор смотрел на него, и суровым взглядом подсказывал решение.

– Ты предлагаешь..., ты предлагаешь стать цареубийцей?

– Я ничего тебе не предлагаю, сама жизнь или вернее твоя страшная смерть подсказывает это решение.

– Но он же царь, помазанник Божий!

– Он немощный старик,пил всю свою жизнь кровь подданных, но даже перед самой кончиной не насытился ею. Пришёл твой черёд, твою жизнь и жизни ни в чём не повинных колдунов он решил захватить с собой.

– Что будем делать? – решился Бельский.

– Я попытаюсь убить его словом, если не получится, задушим.

Богдан потоптался на месте, ему потребовалось время, чтобы набраться смелости для страшного деяния.

– Идём, пока за нами не пришла стража, будем медлить, окажемся на веретене.

Царь лежал на подушках. Скрип, открываемой двери, вернул его к реальности. Как показалось Годунову, он даже обрадовался пришедшим боярам.

– Подготовили казнь?

Годунов сделал шаг к постели, его взгляд сверлил самодержца. Грозный заслонился от этого взгляда рукой, визгливо крикнул:

– Отврати глаза, пёс!

Годунов не обращая внимания на возгласы царя со сталью в голосе бил словами самодержца наотмашь.

– Волхвы настаивают на том, что ты сегодня умрёшь, сегодня, ещё до захода солнца. Так показали звезды, а звездами правит Бог. Твоя смерть – это Божья воля!

Некогда грозный царь на четвереньках стал отползать к углу кровати, он боялся взглянуть на своего слугу. Достигнув стены, царь уселся и замахал руками, будто это могло его защитить от взгляда и слов Годунова.

– Иван Васильевич, страшно умирать? Ты был владыкой над жизнями и смертями своих подданных, теперь ты предстанешь перед Богом, а он вспомнит все твои грехи, спросит за каждую загубленную жизнь!

Годунов навис над телом и жизнью самодержца или над тем, что от него осталось....

– Так умри же!

Иван Васильевич вскрикнул и повалился на постель. Его тело извивалось, он скрипел зубами, несвязно бормотал.

Годунов повернулся к Бельскому и взглядом указал на жалкого, страдающего старика, но Бельский не никак не отреагировал. Тогда Годунов подал ему подушку, подтолкнул его к ещё живому царю.

– Богдан, помоги несчастному.

Бельский опасливо подходил к больному и умирающему человеку, но душить его он не осмеливался.

– Богдан, вспомни, что тебя ждёт костёр.

Богдан ещё раз взглянул на Годунова, а тот подбодрил его:

– Смелее, он хотел и ещё хочет убить тебя.

Иван Грозный попытался ещё может быть последний раз вздохнуть, но подушка, прижатая Бельским к его лицу, не позволила ему это сделать. Истерзанное жизнью и болезнью тело вздрогнуло, вытянулось и затихло.

– Вот и всё, – Годунов потрепал друга по плечу, – ты спасен, и власть сама идёт в наши руки.

– Какая власть? – не понял Бельский.

– В немецких странах говорят: «Умер король. Да здравствует король!»

– Ты о чём это? – потрясенный убийством царя, Бельский всё ещё не мог понять и принять изменившуюся ситуацию.

Годунов попытался вывести его из шокового состояния.

– Новый самодержец, сын почившего царя Фёдор, который будет венчан на царство, слаб и болен. Ему будет нужна помощь. Ты и я этим и займёмся.

Бельский повёл глазами по образам, тихо проронил:

– Идем, сообщим народу Руси о кончине славного и грозного царя всея Руси Иоанна Васильевича Грозного.

Годунов встряхнул приятеля:

– Смерть царя, некоторое время, необходимо держать в тайне. Народ не должен об этом знать. Если о смерти царя станет известно в городе, народ заволнуется, этим могут воспользоваться наши противники. Надо обо всем поведать, кто за нас и кто против, упредит возможные действия врагов наших, а для этого надо знать, что написано в завещании Ивана.

– Ты во всём прав, Борис, – несмело поддержал мысли друга Бельский. Я только хотел объявить о смерти царя для придворных.

– Успеем надо искать завещание.

Постепенно Бельский приходил в себя, он подошёл к столу, где лежали бумаги царя, отыскал нужный свиток. Некоторое время искал то место завещания, которое определяло дальнейшую судьбу власти и государства Российского. Найдя его, жадно поглощал сточки, и лихорадочно отыскивал собственное имя. Годунов нетерпеливо топтался около него.

– Говори, что написано, говори не томи.

Бельский взглянул на друга и стал говорить:

– Он объявил царевича Федора наследником престола и монархом; избрал совет из пяти человек князя Ивана Петровича Шуйского, Ивана Федоровича Мстиславского, Никиту Романовича Юрьева, тебя и меня. Младенцу Дмитрию с матерью назначил в удел город Углич и вверил его воспитание одному мне.

Годунов после недолгих размышлений заметил:

– Хорошо, что мы оба в совете, но плохо то, что мы не во главе списка, а это означает, что Шуйский станет верховодить. Эта старая лиса сделает всё, чтобы мы оказались в опале, или даже в земле. Надо что-то делать, надо опередить Шуйского.

– Единственный выход возродить опричнину, – Бельский говорил тоном, не терпящим возражения, но чуть заискивающе глянул на Годунова.

Осторожный и хитрый Годунов, отдавая первенство, согласился и предложил:

– Ты и только ты можешь возглавить её. Тебе и только тебе надо стать первым лицом у трона монарха Фёдора Ивановича. Ведь ты был лучшим и любимым другом Ивана Васильевича.

– Я согласен возродить опричнину, но надеюсь на твою помощь...

Вечером, сразу после смерти царя, в Грановитой палате собрались многие бояре, духовенство, где старший боярин Мстиславский зачитал Завещание царя, в котором Иван Грозный объявлял царевича Федора наследником престола и монархом, определял совет его опекунов: князя Ивана Петровича Шуйского, Ивана Федоровича Мстиславского, Никиту Романовича Юрьева, Бориса Годунова и Богдана Бельского.

Младенцу Дмитрию с матерью назначал в удел город Углич и вверял его воспитание одному Богдану Бельскому.

При прочтении последних слов о царевиче Дмитрие, Иван Шуйский заёрзал на лавке, но промолчал.

Великая княгиня Ирина пребывала в отличном расположении духа. Мысли её летели в будущее.

– Тесть её – грозный тиран мёртв, а её муж Фёдор, теперь монарх и в скором будущем он будет венчан царём всея Руси, а она

Ирина не говорила себе, что муж её не способен управлять державой, но это и так ей было понятно....

– Я буду управлять страной, буду! Я, Великая княгиня.

Она уже видела себя надменной и повелевающей царицей, но на самом приятном месте, постучали в дверь. Ей не хотелось прерывать такие приятные грёзы, но стук повторился и более настойчиво, затем послышался голос комнатной девки:

– Великая княгиня, твой брат Борис Годунов просит принять его.

– Зови, – коротко бросила она и постаралась придать выражению лица серьёзный деловой вид.

Годунов вошел и даже поклонился Великой княгине, но начал разговор без приветствий, как с сестрой.

– У меня мало времени, а обсудить надо многое. Постарайся сделать так, чтобы нам не мешали и не строй из себя неприступную царицу.

– Что привело тебя ко мне? Власти захотелось? – Ирина говорила отстранённо, соблюдая дистанцию.

– Я же попросил не строить из себя царицу. Без меня твоего муженька быстро сведут в могилу, а ты, если Господь будет к тебе милостив, окажешься в монастыре. Нам надо держаться вместе. Мстиславские, Шуйские, Нагие спят и видят себя на троне. Не прочь посидеть на нём и Бельский. Надо сделать так, чтобы мы управляли державой.

Ирина, в недалёком прошлом мысленно примерявшая на себя царский венец, очень не хотела расставаться ни с мечтами, ни с возможностью управлять страной, пусть через указы мужа, но управлять.

– А если я откажусь?

– Я уже сказал, что тебя ждёт.

– Ты станешь свергать царя и меня?

– Нет, для начала, я, скорее всего, окажусь в опале и буду сослан, если не сказать хуже, а ты окажешься без поддержки против своры бояр. Они-то знают, что и как надо делать, чтобы свести твоего мужа – царя в могилу.

– Судя по всему, у тебя тоже такой опыт имеется, ходят слухи, что ты приложил руку к смерти моего теть.

– Если это даже и так, то всё во благо, во благо тебе.

Ирина задумалась.

– Брат умён, хитёр, опытен. Почему бы нам не управлять страной вместе?

– Хорошо, что ты хочешь?

– Москвичи, и бояре настроены против нас. Бельского и меня они ненавидят. По Москве гуляет слух об убийстве царя. Убийцами называют меня и Бельского. Москва может восстать. Чтобы успокоить народ и отвести угрозу от меня, ты должна уговорить мужа придать Бельского опале и сослать его подальше от трона.

– Но....

Годунов не дал ей говорить.

– Этим ты спасёшь его и меня, в конечном счете, себя тоже, но это ещё не всё. Вот тебе список бояр, которые во время опричнины убивали, грабили, насиловали. Все, кто в этом списке должны быть подвергнуты опале и высланы из Москвы.

– А если Фёдор....

– Никаких если, делай что хочешь, но всё, что я сказал, выполни. Это вопрос жизни и смерти.

Ирина взяла список из рук брата и подумала:

– Что я себе придумала? Какая из меня правительница Державы? Нет, не нужен мне трон. Боже, милостивый прости меня за мои глупые мысли. Я никогда не стану желать стать царицей, ибо желая воцарения, я буду желать смерти мужа. Господи, прости меня и помилуй!

Утром, в полном соответствии завещания собрался совет, который выслушал Бельского о последних часах Грозного Ивана Васильевича.

Боярин доложил, что волхвы предрекли в тот день Государю смерть. Я попытался скрыть от царя это страшное предсказание, но он почувствовал, что я умалчиваю и потребовал сказать правду. Когда я донёс ему эту весть, то он громко рассмеялся и сказал, что чувствует себя хорошо и приказал мне готовить костры для казни колдунов. Затем Государь предложил сыграть со мной в шахматы, но не мог расставить фигуры, это привело его в ярость, и он ударил ногой по столику. Шахматы разлетелись, а Иван Васильевич упал и окончил.

Боярин Иван Шуйский стал шептаться со старшим боярином Иваном Мстиславским и воеводой Никитой Юрьевым.

Мстиславский, не скрывая подозрений спросил:

– Царь, по твоим словам, был, как всегда грозен и весел, но вдруг упал и умер. Всё ли так было, как ты речёшь?

– Да было так и ни как иначе, сие может подтвердить ближайший боярин царя Годунов. Вы же знаете, что сестра его замужем за, пусть еще не венчанным, но уже монархом. Думаю, что завещание почившего Государя оспаривать вы не посмеете.

О том, что ты говоришь, нам ведомо и всё будет по последней воле Ивана Васильевича. Мы хотим знать, почему до сих пор народ Москвы не извещён о кончине.

– Я и Годунов, ничего не скрывали и сразу сообщили всем тем ближним боярам, кто был в Кремле. Народ узнает обо всём после решения совета, а то не ровён час....

Удовлетворившись ответом, боярский совет стал решать, кого придать опале и сослать.

Через день, после смерти Ивана четвёртого Дума подготовила список, по которому должны высылаться из Москвы люди, участвовавшие в лютых делах государя; некоторых из них ждала темница. Бояре торжественно присягнули Фёдору. По улицам ходили глашатаи, извещая народ о кончине государя и о восшествии на престол царя Фёдора Ивановича. В тоже время в Москве появился слух, что Бельский отравил царя и хочет возродить опричнину.

Царевича Дмитрия по решению Думы вместе с матерью Марией Нагой отослали в город Углич.

Москва начала наполняться скорбным перезвоном колоколов, во все концы державы помчались гонцы, извещающая о кончине Великого царя, самодержца всея Руси, Иоанна Васильевича Грозного. Русь скорбела по царю – батюшке и помазаннику Божьему. Похороны первого русского царя состоялись в Архангельском соборе на том месте, которое он, ещё при жизни, определил для себя.

Бунт ширился по Москве. Толпа густо покрыла площадь перед Кремлём, она бала объята яростным требованием выдачи боярина Богдана Бельского, грозила взять его силой.

– Боярина цареубийцу казнить.

– Бельского на кол!

– Четвертовать!

Ворота трещали под напором толпы. Вооружённые копьями стрельцы стояли наготове. Кровопролитие казалось неизбежно.

Завещанный царём Грозным совет собрался, чтобы решить свои дальнейшие действия, по устранению бунта.

Во главе стола сидел Великий князь Фёдор Иванович. Справа располагался Мстиславский, слева Иван Шуйский. Совещание шло бурно, но никто из бояр не соглашался выйти к восставшим.

Старший боярин Мстиславский наотрез отказался говорить с народом, он пылал решимостью расправы.

– Стрельцов и опричников послать на них и проучить так, чтобы и детям заказали, как бунтовать.

Шуйский предложил:

– Выдать Бельского толпе, это будет для него заслуженной карой, пусть народ утолит жажду крови.

Юрьев поддержал Мстиславского:

– Выдавать боярина Бельского нельзя, доказательств его вины нет. Сегодня выдадим Бельского, кого завтра? Надо подавить бунт!

Бельский молча ждал своей участи, он понимал, что все его протесты приведут к ещё более жесточённой реакции бояр.

Пришла очередь высказаться Годунову, он некоторое время колебался, но понял, что у него есть шанс шагнуть к власти, а не отсиживаться за стенами, как эти малопочтенные старцы.

– Я выйду к народу и успокою его.

Присутствующие бояре взглянули на него, они поняли, что если Годунов выполнит своё обещание, то станет ближе всех к царю, он будет управлять державой. Этого не хотелось никому.

Шуйский опять предложил:

– Этого нельзя допустить, ты их только раззадоришь, убив тебя, они почуют запах крови и тогда толпу уже ничем не остановить. Есть ещё время для сбора войска. Надо подавить бунт.

Шуйский с ненавистью взглянул на Бельского.

– Бельского, Бельского жалеете, он убил царя, его тоже надо убить и выдать тело толпе.

Фёдор Иванович поднял руку и тихо молвил:

– Вы опять хотите убивать, вам мало было крови при моём отце? Слушайте моё решение.

Бояре в изумлении переглянулись, им не верилось, что монарх может принимать решения, потому вольготно чувствовали в его присутствии. А монарх проявил свою волю.

– Годунов выходит к народу и успокаивает его тем, что Бельский подвергается опале и высылается в нижний Новгород. Будущий царь положил на стол свиток.

– В этом Указе я назвал имена тех, кто участвовал в лютых делах моего отца. Они будут наказаны опалой, ссылкой, некоторые будут посажены в темницу.

Годунов подумал про себя:

– О темнице, я Ирине ничего не говорил. Она тоже решила поучаствовать в управлении страной.

В сопровождении большого отряда стрельцов Годунов вышел к толпе и взошёл на лобное место.

Толпа взвыла:

– Ещё один царубийца!

– Казнить, разорвать на части!

– Успеем ещё, пусть скажет, зачем пришёл.

Годунов, не обращая на крики, дождался пока в толпе победит интерес, к тому, что он скажет. Постепенно крики стали стихать.

Годунов развернул свиток и стал читать.

– Самодержец и царь всея Руси Иоанн Грозный завещает царство на Руси сыну своему Фёдору Ивановичу и отдаёт ему все права наследования престола и управления державой и подданными. Почивший царь завещает младшему сыну Дмитрию и его матери Марии Нагой удел город Углич и его земли.

С большим удовлетворением толпа приняла сообщение о том, что великий князь Фёдор Иванович повелевает предать опале бояр, которые имели имеющие отношение к казням, пыткам и другим преступлениям, что они же высылаются из Москвы, многие из них уже преданы суду и отправлены в острог.

В толпе опять слышались крики, требующие выдачи Бельского. Услышав крики Годунов, поднял руку, требуя тишины, продолжил:

– Богдан Бельский подвергается опале и высылается в Нижний Новгород.

Напряжение сразу спало. Известие об опале и высылке толпа встретила довольными криками.

Тем временем Годунов продолжал:

– Люди добрые, Иоанн Грозный покинул нас, но не прерывается ветвь Рюриковичей. В добром здравии и светлом уме есть Фёдор Иванович, сын его единокровный, который заменит отца.

Борис Годунов сделал паузу и что есть мочи крикнул:

– Венчать Фёдора Иоанновича на царство!

– Венчать! Венчать! – подхватила толпа.

Умиrotворённая толпа стала расходиться, люди крестились и говорили:

– Упокой душу Иоанна Грозного,

– Небесное царство ему.

В рядах боярства звучали совсем другие слова:

– Слава Богу за избавление нас от тирана.

Но ещё чаще слышались приглушённые и завистливые слова:

– Бориска худародный взлетел. Править нами собирается.

– Не позволим, есть князья и бояре, более родовитые...

– Как ты не позволишь, если сестра его Ирина замужем за царём...?

Подготовкой венчания Великого князя Фёдора Ивановича занимался Борис Годунов. Им лично составлен список приглашенных бояр, отобраны, осмотрены и подготовлены все царские регалии, а также он провёл все согласования с духовенством.

Ирина организовала подготовку и шитьё одежды. Венчание на престол решено было провести в Успенском соборе Московского Кремля. Четвёртого мая под руководством мит-

рополита Дионисия состоялся собор, на котором присутствовали многие благочестивые бояре и дворяне, архиепископы и епископы, игумены. Митрополит Дионисий провёл учения, по которым будет проводиться венчание. Порядок проведения венчания был одобрен и отправлен в Константинополь патриарху Иосифу, как сообщение благочестивого характера всего обряда венчания.

С самого утра 31 мая 1584 года во всех церквах зазвонили колокола. Народ шёл к храмам, чтобы осенить себя крестным знаменем, чтобы помолиться Богу и попросить у Него благословения царю – батюшке Фёдору Ивановичу.

Утро, в тот день, занималось тихое, будто сам Господь ниспослал благодать свою. В безоблачном небе солнце сияло над головами большого скопления народа, едва заметный ветерок тихо шелестел в листве деревьев.

– Господь милостив к нашему государю, – радовались в толпе.

Но небо вдруг померкло, огромная туча нависла над Москвой. Буря обрушила свою ярость на город, затем хлынул дождь. Природа будто хотела неистовым ветром и сильнейшим дождём разогнать, разметать толпу, воспрепятствовать венчанию... Площадь перед Кремлём залило потоками воды, но ко времени венчания опять засияло солнышко, опять пришла Божья Благодать.

В народе поначалу приняли бурю и дождь, как плохое предзнаменование, которое сулило многие беды, но когда вновь появилось солнце, стали говорить о том, что дождь смыл всё плохое.

– Господь очистил Москву от скверны.

При звоне всех колоколов, из Царских палат в храм Успения несли святыни: шапку Мономаха, Животворящий Крест, скипетр и бармы. Толпа народа стихла, когда Федор вышел из дворца. Его сопровождала процессия, со всеми боярами, князьями, воеводами и многими и разными вельможами. На Великом князе Фёдора Ивановича одежда небесного цвета, все придворные подданные одеты в золотой наряд. Всеобщая тишина провожала Великого князя до самых дверей храма, также наполненного людьми всякого звания и положения. В храме шествие встретили пением псалмов.

Н. М. Карамзин описывал венчание так: «Царь и Митрополит Дионисий сели на изготовленных для них местах, у врат западных, и Федор среди общего безмолвия сказал Первосвятителю: «Владыко! родитель наш, Самодержец Иван Васильевич, оставил земное Царство и, прияв Ангельский образ, отошел на Царство Небесное; а меня благословил державою и всеми хоругвями Государства; велел мне, согласно с древним уставом, помазаться и венчаться Царским Венцем, диадемою и святыми бармами: завещание его известно Духовенству, Боярам и народу. И так, по воле Божией и благословию отца моего, соверши обряд священный, да буду Царь и Помазанник!»

Митрополит, осенив Федора крестом, отвечал: «Господин, возлюбленный сын Церкви и нашего смирения, Богом избранный и Богом на престол возведенный! Данною нам благодатию от Святого Духа помазуем и венчаем тебя, да именуешься самодержцем России!» Возложив на Царя Животворящий Крест Монамахов, бармы и венец на главу, с молением, да благословит Господ твоё правление. Дионисий взял Федора за десницу, поставил на особенном Царском месте, и, вручив ему скипетр, сказал: «Блюди хоругви великие России!» Тогда Архидиакон на амвоне, Священники в олтаре и Клиросы возгласили многолетие Царю венчанному, приветствуемому Духовенством, сановниками, народом с изъявлением живейшей радости; и Митрополит в краткой речи напомнил Федору главные обязанности Венценосца: долг хранить Закон и Царство, иметь духовное повиновение к Святителям и веру к монастырям, искреннее дружество к брату, уважение к Боярам, основанное на их родовом старейшинстве, милость к чиновникам, воинству и всем людям.

«Цари нам вместо Бога, – продолжал Дионисий, – Господь вверяет им судьбу человеческого рода, да блюдут не только себя, но и других от зла; да спасают мир от треволнения, и да боятся серпа Небесного! Как без солнца мрак и тьма господствуют на земле, так и без учения все темно в душах: будь же любомудр, или следуй мудрым; будь добродетелен: ибо едина добродетель украшает Царя, едина добродетель бессмертна. Хочешь ли благоволения Небесного? Благоволи о подданных... Не слушай злых клеветников, о Царь, рожденный милосердым!.. Да цветет во дни твои правда; да успокоится отечество!.. И возвысит Господь царскую десницу твою над всеми врагами, и будет Царство твое мирно и вечно в род и род».

Присутствующие воскликнули: «Будет и будет многолетно!»

Теперь уже царь Федор, в полном царском одеянии, в короне Мономаховой, в богатой мантии, и держа в руке длинный скипетр, слушал Литургию. Пред ним лежали короны завоеванных Царств; а подле него, с правой стороны, как Ближний Вельможа, стоял Годунов, слева Федоров, Никита Романович Юрьев, наряду с другими боярами.

Амвон, где сидел Государь с Митрополитом, лежала утварь царская, и места для Духовенства были устланы бархатами, а помост церкви коврами Персидскими и красными сукнами Английскими. Одежды Вельмож, в особенности Годунова и Князя Ивана Михайловича Глинского, сияли алмазами, яхонтами, жемчугом.

Но всего более торжество украшалось веселием лиц и знаками живейшей любви к престолу. После Херувимской Песни Митрополит, в дверях Царских, возложил на Федора Мономахову цепь Аравийского злата; в конце же Литургии помазал его Святым Миром и причастил Святых Таин. В сие время Борис Годунов держал скипетр, Юрьев и Димитрий Иванович Годунов (дядя Ирины), венец Царский на златом блюде.

Благословенный Дионисием и в южных дверях храма осыпанный деньгами, Федор ходил поклониться гробам предков, молился, да наследует их государственные добродетели.

Между тем Ирина, окруженная Боярынями, сидела в короне под растворенным окном своей палаты и была приветствуема громкими восклицаниями народа: «Да здравствует Царица!»

«В тронном зале Вельможи, и чиновники целовали руку у Государя; в столовой палате с ним обедали, равно как и все знатное Духовенство. Пир, веселия, забавы народные продолжались целую неделю и заключились воинским праздником вне города, где, на обширном лугу, в присутствии Царя и всех жителей Московских, гремело 170 медных пушек, пред осмью рядами стрельцов, одетых в тонкое сукно и в бархат. Множество всадников, также богато одетых, провождало Федора».

Церемонию венчания на царство царь принимал дары от купцов, и послов разных стран. Фёдор Иванович исполнил завещание отца, объявил разные милости: уменьшил налоги, возвратил свободу и достояние многим знатным людям, освободил всех военнопленных, наименовал боярами князей Дмитрия Хворостинина, Андрея и Василия Ивановичей Шуйских, Никиту Трубецкого, Шестунова, двух Куракиных, Федора Шереметева и трех Годуновых, внучатных братьев Ирины.

Пир в Грановитой палате венчал торжества. В течение трех дней в Кремле и по всей Москве не смолкал колокольный звон. Шли молебны во здравии царя и благополучии Московского царства. Для народа выставлялось угощение. Из острогов и темниц выпустили многих и многих узников.

Волхов, предсказавших смерть Ивана Грозного, отпустили не все четыре стороны

Часть вторая

Царь Фёдор Иоаннович

На первом заседании правительства, царь и самодержец Фёдор Иванович объявил Бориса Годунова ближайшим, великим боярином, пожаловал ему лучшие земли на берегу Москвы – реки. На этом милости царя не ограничились. Годунов получил должность наместника Казанского и Астраханского ханств. Своими действиями Фёдор Иванович безгранично доверился брату жены Ирине, по сути, отдал все бразды правления Державой Годунову.

Царь Фёдор Иванович даже не пытался вникать в государственные дела. Он вёл спокойную семейную жизнь, путешествовал по монастырям и обителям вместе с супругой. Годунов же занимался важными проблемами внешней и внутренней политики.

Первым решением нового правителя стал разгон Верховной боярской думы, и избрание новой, в которую, Годунов надеялся провести своих людей, но... Вековые традиции, заносчивость знати и боярство переставали быть опорой Государю и государству. Кичливость, чрезмерно высокая самооценка бывшей вельможной власти тормозили развитие Государства российского. Годунов пытался отодвинуть княжеские и знатные рода, от власти. На первый план выходило более гибкое и деятельное дворянство. Повышение роли дворянства вызвало ожесточённое сопротивление боярства. Основной формой борьбы против правления Годунова стали заговоры и подстрекательство народа к восстанию. Русь была в состоянии войны со шведами, не закончено окончательное покорение Казанского ханства. Действия отстраненного от власти боярства создавали угрозу Руси, подготавливало возникновение смуты.

Ночь в царских палатах суета, в опочивальню царицы Ирины позвали повитуху. Царица Ирина лежала на постели, волосы разметаны по подушкам. Бледность её пугала. Они вскрикивала, металась, иногда ненадолго затихала, потом стоны разрывали тишину.

Очередной выкидыш поверг царя и царицу в глубокое уныние. Фёдор сидел у постели жены, гладил её руку и плакал. Ирина, до времени освободившаяся от бремени, еще очень слабая, утешала мужа:

– Федя, муж мой, не надо плакать, надо молиться, Бог милостив, он даст нам ребёнка, а тебе сына и наследника.

Фёдор целовал руку любимой жены, обливая её слезами, просил:

Иринушка, матушка, мы обойдём с тобой все храмы и монастыри, будем молиться, и Бог ниспошлёт милость свою.

Как только Ирина окрепла, царь и царица, отказавшись от роскошных повозок, шли от монастыря к монастырю, молились о продолжении рода своего....

Изнуряющие походы по монастырям и нервное напряжение истощили без того слабые силы царя. Вернувшись в Кремль, после очередного молебна. Фёдор Иванович, почувствовал недомогание. Среди ночи ему стало ещё хуже, он метался в жару. Утром царю стало легче, он даже поднялся с постели, но это было лишь временное облегчение. Ирина всю ночь, простоявшая у образов, вдруг поняла, что Господь Бог не внемлет её молитвам и вскоре заберёт мужа к Себе.

Шло время, день сменялся ночь, царю становилось всё хуже.

В перерыве между молитвами, к Ирине пришёл её брат Борис Годунов. Они подошли к постели умирающего Фёдора. Сомнений более не оставалось, царь покинет этот мир, а на престол взойдет трёхлетний сын Дмитрий Иванович.

Годунов взял сестру за локоть и попросил:

– Отойдём, надо многое обсудить.

Когда они оказались в комнате, он плотно закрыл дверь и стал говорить приглушенным голосом:

– Слушай и не перебивай. Ты, надеюсь, понимаешь, что Фёдор не жилец на белом свете....

Ирина закрыла рот брата ладошкой.

– Не говори так, он выздоровеет, Бог услышит меня.

Если он выздоровеет, то, слава Богу, всё станет по-прежнему, а если нет? Царём станет малолетний Дмитрий, а вместо него будут править Шуйские или Головины. Нам не отделаться опалой, нам грозит смерть. Мы, чтобы спасти страну и спастись самим, должны иметь запасной выход.

– Какой выход? – Ирина почти не осознавала того, о чём говорил брат.

– После смерти твоего мужа ты выйдешь замуж....

Последние слова привели её в яростный протест.

– Если Фёдора призовет к себе Бог, я уйду в монастырь!

Ожесточённая реакция сестры дала понять Годунову, что он должен действовать жёстко и в одиночку.

В начале 1585 года Годунов направил тайное посольство в Вену, через которое он предложил, в случае смерти царя, обсудить вопрос о заключении брака между царицей Ириной и австрийским принцем и о последующем возведении принца на московский трон. Годунов пытался с помощью брака сестры сохранить власть, но тайна переговоров оказалась раскрыта....

Молитвы Ирины услышал Бог и ниспослал Царю Фёдору выздоровление. Безоблачные до того отношения между родственниками дали большую трещину. Федор был оскорблен до глубины души. Ещё слабый, едва оправившийся от болезни, царь призвал Годунова к себе и потребовал объяснений.

– Скажи, пёс смердящий, зачем хотел отдать жену мою принцу австрийскому?

Годунов поклонился в пояс царю и спокойно отвечал:

– Не гневайся, Федор Иванович, я всё объясню.

Царь не слушал своего Годунова, кричал и, потрясая палкой, пытался догнать своего шурина.

– Смерть мою ждал? Смерть мою кликал...?

В небольшую паузу между воплями царя, Годунов успел вернуть фразу:

– Я опасался твоей смерти Государь, твоя смерть могла стать смертью Державы.

До сознания царя дошли скорее слова о смерти, чем смысл сказанного Годуновым, он остановился, и тяжело дыша, спросил:

– Почему смерть Державы?

– Не гневайся, Государь, я обо всём расскажу.

Фёдор Иванович обессилено опустил на подушки.

– Если бы тебя призвал Господь, то наследником твоим бы стал малолетний ребёнок и Державой бы овладели враги наши Шуйские.

Годунов сделал паузу и решил применить хитрый и безошибочный ход.

– Они бы твою любимую жену предали смерти.

Царь вздрогнул, и Годунов понял, что его слова попали в цель, и попытался царский гнев направить на врагов престола.

– Шуйских, Головиных и многих других надо подвергнуть опале и выслать, чтобы навсегда обезопасить трон от посягательств.

Негодующее предложение Годунова царь уже не слушал, силы покидали его.

– Иди, позови ко мне Ирину....

Выздоровление, царя и фактическую бесплодность царицы, подвигли Годунова обратиться к английской королеве с тайной просьбой прислать доктора, который смог бы Ирине обрести способность рожать детей. Годунов отчётливо представлял, что только наследник царя Фёдора даст ему возможность и далее управлять страной. Королева Англии откликнулась на просьбу, прислала не только доктора, но и бабку повитуху.

Но и в этом вопросе Годунова ждала большая неприятность. Дума, оскорбленная тем, что он предпринял шаги по оздоровлению царицы без их ведома, обрушилась на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.